

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н. Н. ЧЕМОДУРОВ¹
N. N. CHEMODUROV

ДНЕВНИК НАУЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ П. Н. ШУЛЬЦА 1932 г.: ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДОВОЕННОЙ КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

DIARY OF A SCIENTIFIC BUSINESS TRIP OF P. N. SCHULTZ IN 1932 g.: A SOURCE ON THE HISTORY OF PRE-WAR CRIMEAN ARCHEOLOGY

На рубеже 1920 – 1930-х гг. в советском научном археологическом сообществе прекрасно осознавалась важность изучения и сохранения материальных памятников прошлого. При этом, как и прежде, значительной притягательностью для исследователей обладали древности Северного Причерноморья. По инициативе академических центров Ленинграда и Москвы, в которых сильными оставались школы до-революционного антиковедения, были возобновлены раскопки в Ольвии [Карасев, Леви, 1976; Каряка, 2015], предприняты археологические изыскания в Фанагории и Гермонассе [Виноградов, Застрожнова, Медведева, 2021]. Существенные организационные успехи наметились в деле изучения античных и средневековых памятников Крымской АССР. Полевые исследования в регионе проводили Судакская, Эски-Керменская, Евпаторийская и Керченская экспедиции [Майко, 2017; Абрамова, 2015; Кутайсов, 2011; Дистанционные..., 2011; Виноградов, 2009]. Немаловажную работу по сохранению историко-культурного наследия осуществляли местные музейные учреждения и общественные организации [Охрана..., 2008]. Почти столетие спустя летопись этой многогранной творческой активности признается далеко не полной [Застрожнова, 2017, с. 411; Виноградов, Застрожнова, Медведева, 2021, с. 271]. Вместе с тем значительные наработки предшествующих поколений исследователей остаются вне современного научного знания.

Отдельные эпизоды истории крымской археологии невозможно реконструировать без обращения к данным архивных источников. Особый интерес представляют документальные собрания личного происхождения. В Научном архиве ИАКР РАН хранится внушительный корпус материалов научного наследия отечественного археолога и искусствоведа П. Н. Шульца (рис. 1). С фигурой исследователя, прежде всего, ассоциируют выдающиеся открытия в изучении Неаполя Скифского и

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

многочисленных памятников, раскопанных вдоль трассы Северо-Крымского канала [Колтухов, Юрочкин, 2004; Чемодуров, 2020]. Общеизвестна значимость концепций П. Н. Шульца в осмыслении истории Крымской Скифии [Колтухов, 2004]. Вместе с тем в научной биографии ученого остается немало белых пятен. В современной литературе имеется лишь несколько работ, посвященных жизненному пути П.Н.Шульца [Щеглов, 1984; Кузьмина, 2021]. Некоторые аспекты отражены в них предельно кратко. В частности, не выяснены до сих пор причины и обстоятельства обращения исследователя к крымской тематике. В связи с этим в высокой степени любопытным представляется ранее неизвестный факт служебной поездки П.Н.Шульца осенью 1932 г. в Крымскую АССР. Событийная последовательность и итоги научного предприятия нашли отражение в нескольких документах. Среди них наиболее содержательным является путевой дневник, на страницах которого помещены два, дополняющих друг друга, варианта отчета о поездке (рис. 2.) [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп.3. Д. 22]. Сохранился отдельный рукописный отчет о командировке, включающий важные сведения, не представленные в других источниках [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23]. В деле «Тезисы докладов и выступлений» обнаружен проект сообщения для заседания сектора античного общества ГАИМК о состоянии музейного дела и археологических исследований в Крымской АССР, составленный в декабре 1932 г. [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 30. Л. 22–29]. Значительным информационным потенциалом обладает объемное собрание рисунков и фотографий предметов из довоенных коллекций музеев юга СССР (рис. 3, 4) [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 5, 6, 11]. Дополнительные подробности научной командировки выявлены в переписке П. Н. Шульца, а также в некоторых материалах, хранящихся в Научном архиве ИИМК РАН.

Тем не менее следует признать некоторую ограниченность возможностей в интерпретации рассматриваемых источников. Прежде всего, среди материалов нет ни одного окончательного варианта отчета о результатах научной командировки. Сохранившиеся рабочие версии, очевидно, неполны. Так, в путевом дневнике полностью отсутствуют сведения о пребывании П. Н. Шульца в Керчи. Все же восполнить эту лакуну позволяют данные рукописного отчета [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 5–7]. На первых страницах дневника автор отмечает, что в тексте освещены только итоги ознакомления с экспозиционной, научно-исследовательской и полевой деятельностью крымских музеев в изучении античных памятников, в то время как: *«Остальным результатам моей научной командировки я надеюсь посвятить отдельную статью»* [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 2 об.]. Тем не менее публикация не состоялась. 29 октября 1932 г. А. Н. Карасев в письме к супруге П. Н. Шульца В. А. Головкиной, находившейся на лечении в Сочи, кратко сообщал: *«Сегодня Павел делал отчет о своей поездке на юг. Очень хорошо и интересно. Теперь обязательно все это надо подготовить, закончить и издать»* [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 2 Д. 19. Л. 12]. Следующим по времени составления источником является упомянутый проект сообщения о командировке, он датирован

первыми числами декабря 1932 г. В документе предпринято разделение отчета на две части: «Итоги полевой работы в Крыму за 1932 г.» и «Результаты изучения в музеях Крыма вещественных памятников» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 30. Л.21]. Текст составлен тезисно, а сведения о его представлении на заседании сектора античного общества ГАИМК не выявлены. О последующих планах подготовки к изданию результатов командировки также ничего неизвестно. Наконец, значительные по объему графические материалы, фиксирующие сотни артефактов из довоенных музейных коллекций, требуют специального изучения и сопоставления с современными данными. В очерченном круге проблем просматривается и позитивная сторона, состоящая, как представляется, в очевидной перспективности дальнейших исследований.

В контексте материалов научной командировки отметим, что многим творческим начинаниям П. Н. Шульца не суждено было осуществиться. Так, краткая заметка о первых самостоятельных археологических работах исследователя, предпринятых в Верховьях Волги в 1923 – 1925 гг., завершалась замечанием о том, что «особый отчет <...> не замедлит появиться в одном из ближайших выпусков сборника Ржевского общества изучения края» [Шульц, 1926, с. 194]. Тем не менее материалы разведок и раскопок до сих пор остаются не введенными в научный оборот [Жукова, 2019, с. 108]. Похожая участь постигла результаты исследований Евпаторийской экспедиции ГАИМК, возглавленной П.Н. Шульцем в 1933-1934 гг. Лишь недавно некоторые сохранившиеся полевые дневники были опубликованы [Дистанционные..., 2011]. Причины незавершенности исследовательских работ, по-видимому, следует искать в обстоятельствах жизни П.Н. Шульца в 1920 – 1930 гг.

В 1930 г. после окончания аспирантуры ученый был оставлен при ГАИМК в должности старшего научного сотрудника Института истории рабовладельческого общества [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 3. Л. 24]. Значительную часть творческой энергии П. Н. Шульц отдал Разряду древних культур Причерноморья. В марте 1930 г. его избрали секретарем Разряда. [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 13]. В 1929 г. П. Н. Шульц зачислен старшим ассистентом факультета общественных наук Ленинградского государственного университета, в 1933 г. получает звание доцента [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 7. Л. 3]. В качестве преподавателя образованного в 1934 г. исторического факультета: «вел ряд специальных курсов, проводил практические занятия и руководил преподавательской практикой студентов по археологии и искусству античного мира и по античной колонизации Северного Причерноморья» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 3. Л. 3]. Отдельная, еще не раскрытая страница биографии П. Н. Шульца связана с работой в 1922 – 1932 гг. в отделе изобразительных искусств Ленинградского Пролеткульта. В 1934 г. В.А.Головкиной в письме директору Евпаторийского историко-краеведческого музея Я. Г. Благодарному, дружеские отношения с которым сложились у семьи Шульцев после работ Евпаторийской экспедиции, оставалось лишь жаловаться: «Если бы я была уверена в том, что я

могла бы одна принести пользу музею [Евпаторийскому – Н. Ч.], я не задумалась бы и одна укатилась отсюда, все равно Павла я не вижу, нам даже поругаться некогда. Вот сегодня заказал ванну к 12-ти, приготовила все и носки и рубашки, а уже час его нет. Набрал лекций, меня не слушает, пропадает человек. А в Евпатории и писал бы большие и копал бы и сидел на материале...»² [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 2. Д.82. Л. 15]. Формально итогом нередкого несоблюдения сроков выполнения исследовательских работ стало увольнение П. Н. Шульца из ГАИМК в марте 1935 г. [НА ИАКр РАН Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 7. Л. 8]. Впрочем, некоторые документальные данные позволяют усматривать иные причины освобождения ученого от должности. Их рассмотрение заслуживает отдельного исследования.

Обратимся теперь к анализу содержимого материалов научной командировки. В свете сохранившихся документов сравнительно ясно представляются предпосылки и задачи предприятия. Согласно сведениям дневника: «В задачи командировки входило изучение вещественных памятников, хранящихся в музеях, в связи с намечаемыми и завершаемыми мной темами научных работ по античному сектору ГАИМК» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 2]. Всего направлений исследований по сообщению П. Н. Шульца насчитывалось три. Во-первых, «В связи с работой по тематике мукомольного производства античных колоний Северного Причерноморья, я изучал хранящиеся в Крымских музеях орудия размола зерна и выпечки хлеба (жернова, ступы, зернотерки, блюда для выпечки лепешек и прочее)» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 2]. О выводах этого исследования позволяют судить тексты двух докладов, а также графические материалы [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 6. Л.15]. Один из докладов был представлен на заседании сектора античного общества 27 апреля 1932 г. [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 30. Л. 38–40]. Тезисы другого, составленного в 1933 г., отражают вопрос о технике мукомольного производства в Ольвии [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 51–53].

Обращение ученого к тематике истории техники не случайно. Как известно, в 1930 г. в пятилетний план работы подразделений ГАИМК вносились поправки, связанные с актуализацией изучения античного способа производства [Академическая..., 2013, с. 167]. В определении векторов дальнейших исследований П. Н. Шульцу, по-видимому, принадлежала не последняя роль. На заседании Разряда древних культур Северного Причерноморья 13 марта 1930 г. состоялось обсуждение принципиальных целей научной работы. Присутствовавший Ф.В. Кипарисов выразил мнение о том, что внимание сотрудников должно быть в первую очередь «сосредоточено вокруг вопросов изучения материального производства» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 14]. В прениях против изменений, предполагавших, в частности, уменьшение финансирования полевых исследований, высказались М. И. Максимова, С. А. Жебелев и А. Н.Карасев. В поддержку перемен выступил Г. И. Боровка, отметив, что накопленный материал

²Здесь и в дальнейшем приводится орфография и пунктуация источника.

для исследований *«уже обилен и разнообразен»*, а обратиться необходимо к теоретической составляющей работы [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп.1. 1930. Д. 25. Л. 14]. П. Н. Шульц предложил некий компромиссный вариант: *«В основу работ разряда нужно положить изучение античного способа производства и его преломления в конкретной исторической обстановке нашего Юга. Экспедиционная работа разряда, не ограничиваясь раскопками городов, должна быть сопро-вождена разведочной работой»* [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп.1. 1930. Д. 25. Л.15]. Ф.В.Кипарисов одобрил эту точку зрения и поручил для *«наметки проек-та»* трехлетнего плана по изучению античного способа производства составить к следующему заседанию комиссию в составе Т. Н. Книпович, О.О. Крюгер и П.Н.Шульца [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 15]. Присутствующие проголосовали в поддержку этого предложения.

В рамках работы комиссии и последующей реализации нового производственно-го плана П. Н. Шульц посвятил себя изучению сразу нескольких аспектов античного способа производства. К началу 1930-х гг. богатый опыт в исследовании такой про-блематики был накоплен стараниями сотрудников Института археологической тех-нологии ГАИМК [Платонова, 2018]. В составе Разряда керамики и стекла ИАТ *«по части обществоведческих вопросов»* П. Н. Шульц выполнял исследование лепной керамики Ольвии [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49]. Привлечение к работе сотрудника другого подразделения не считалось исключением. Собственный кадровый состав Разряда, по-видимому, был недостаточным для осуществления на-меченных задач³. Организационные преобразования согласно *«Производственному плану на остающиеся годы пятилетки (1930 – 1933) по Разряду керамики и стек-ла от 4 марта 1930 г.»* предполагали *«две главных работы»*, среди которых: *«Объединение около разряда тех научных учреждений и отдельных лиц, которые могут принять с пользой для себя и для разряда керамики участие во всесторонней разработке основной темы и установлении плана обслуживания разрядом по линии изучения вновь добытого раскопочного материала»*. Кроме того, в работе Разряда на 1930 – 1933 гг. планировались *«собственные поездки для изучения местной техноло-гии <...> в Крым для изучения остатков керамических мастерских близ Херсонеса и в других южных береговых местах, где были греческие, римские и итальянские колонии»* [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 42. Л. 132]. В течение трех лет (1930–1933 гг.) предполагалось подготовить и издать монографию, посвященную различным группам гончарных изделий из памятников Северного Причерноморья [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 42. Л. 133]. В связи с этим одной из за-дач научной командировки П. Н. Шульца *«являлся пересмотр вопроса о назначении так называемых «грузил» (глиняных обожженных изделий, представляющих собой*

³В 1930 г. насчитывалось всего пять штатных сотрудников: М. В. Фармаковский (руководитель), И. П. Красников (технолог), Н. А. Жирнова (технолог), З. И. Лаврова (технолог), М. Ф. Голубцова (лаборант).

усеченные четырехгранные пирамиды со сквозными отверстиями в верхней части). Вопрос о «грузилах», широко распространенных в античных поселениях Северного Причерноморья, приобрел в настоящее время особую остроту в связи с остроумной гипотезой И. П. Красникова о том, что «грузила» являются древними весовыми знаками» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 2 об.].

Предварительные выводы о результатах проверки гипотезы отразились в составленных П. Н. Шульцем тезисах коллективной работы: «Техника местного керамического производства в Ольвии (строительная и лепная керамика, и керамические весовые знаки Ольвии по данным исследований Керамической группы Античного сектора за 1931 г. в составе: Жирновой Н. А., Красникова И. П., Лавровой З. И., Шульца П. Н.)» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49]. Ключевая мысль предположения об использовании глиняных грузил выражена в тексте следующим образом: «... И. П. Красников, исследовавший эту группу орудий, опроверг предположение об их использовании в качестве рыболовных грузил и подставок для вертелов, подверг критике предположение об их использовании в качестве грузил для ткацкого станка и выдвинул наиболее вероятную из всех выдвигавшихся ранее гипотезу об их использовании в качестве весовых знаков». Далее следует осторожное замечание: «Эта гипотеза, подкрепленная совпадением веса т.н. «грузил» (клейма и выделка), может считаться окончательно разрешенной в пользу весовых знаков, лишь после дополнительных, подтверждающих этот вывод провесов материала, еще не охваченного исследователем из Херсонеса и Керчи». В заключение П. Н. Шульц подчеркивает: «Выводы И. П. Красникова, при условии их окончательного подтверждения и дополнительного исследования обстоятельств находок грузил, назначения имеющихся на них клейм и их датировки, сыграют большую роль в исследовании форм торговли и ее распространения в глубь степей в античных колониях Северного Причерноморья» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49]. Принципиально важным для подтверждения или опровержения гипотезы было собирание фактического материала. С этой целью П. Н. Шульц предпринял научные поездки в музеи юга УССР, КАССР и Северо-Кавказского края. В ходе исследовательского поиска им собран значительный корпус источников (рис. 5). Публикация результатов исследований Разряда керамики планировалась в форме монографии. Известно, что работы по ее подготовке оказались не выполненными до конца 1931 г.: «в связи со срывом Ольвийской экспедиции и летними командировками <...> Группа завершит свою работу в форме не монографии, но “выпуска известий”, посвященного керамическому производству Ольвии...» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 7. Л. 14]. Вместе с тем, эти планы не осуществились и в 1932 г.

Третья задача научной командировки П. Н. Шульца в Крым была обусловлена изучением «монументальной скульптуры туземного населения античных колоний. Сюда входили т.н. скифские «бабы», вернее, скульптурные изваяния, антроповидные стелы, надгробные рельефы и прочие скульптурные памятники, ярко характеризую-

щие внешний облик различных слоев туземного населения Крыма в эпоху античной колонизации, и те изменения этого внешнего облика, которые были обусловлены переделкой и развитием социально-бытового уклада туземцев как внутри, так и вне колонизаторского хозяйства» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 2]. Интерес к кругу искусствоведческих проблем объясним выполнением П.Н.Шульцем индивидуального плана научной работы. Выяснению вопросов монументального искусства скифов и сарматов посвящена диссертационная работа исследователя, защищенная в 1933 г.

Существовало еще одно обстоятельство командировки П. Н. Шульца. Сведения об этом известны из текста рукописного отчета: *«По поручению Раскопочной комиссии ГАИМК, в качестве ее члена, я ознакомился с состоянием и основными результатами полевой работы музеев КАССР за 1932 г. в области изучения греческих городищ и туземных поселений античной эпохи»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 1]. По-видимому, недостаточная информированность о положении дел на местах нередко препятствовала своевременному принятию важных решений для спасения историко-культурного наследия. Переписка ГАИМК с региональными музейными и общественными организациями не в каждом случае позволяла оперативно реагировать на угрозы разрушения памятников прошлого. Так, несмотря на постоянный контакт руководства Академии с Евпаторийским историко-археологическим музеем, реальные действия по организации археологических работ для спасения остатков античной Керкинитиды удалось предпринять лишь спустя год строительных работ на месте древнего городища [Вахтина, 2017, с. 34]. Тем не менее исследования оказались небольшими и кратковременными, а положение в деле изучения прошлого Евпатории в последующие годы емко характеризует мысль директора местного музея Я. Г. Благодарного в письме дирекции ГАИМК от 25 апреля 1931 г.: *«Северо-Западное побережье [Крыма – Н. Ч.] никогда не пользовалось вниманием археологических обследований и учреждений»* [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 784. Л. 2].

В начале 1930-х гг. происходит существенная актуализация проблемы сохранения археологических объектов. Глобальные процессы социалистической реконструкции народного хозяйства отразились на всех сферах жизни общества, в частности на памятникоохранной деятельности. Реализация масштабных проектов курортного строительства в Крымской АССР сопровождалась во многих случаях привлечением археологов. Одним из наиболее масштабных примеров такого сотрудничества стала подготовка ведущими специалистами ГАИМК Ф. И. Шмитом и Н. И. Репниковым отчета *«Памятники материальной культуры берега Крыма: от мыса Айя до Алушты включительно»* для Государственного института проектирования городов [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 784. Л. 2]. Существенным достижением следует признать своевременную публикацию этих материалов [Археологические, 1935, с.188]. Вместе с тем при подготовке свода памятников использовались исключительно сведения литературы и архивных источников, в то время как обследования

на местности специально не предпринимались⁴. В связи с этим показателен один эпизод из истории музеефикации древностей Пантикапея, подробности которого недавно были опубликованы [Застрожнова, 2018]. В 1932 г. интенсификация городской застройки Керчи в районе горы Митридат стала причиной обращения директора Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти в ГАИМК с проектом объявления городища Пантикапей заповедником. Более месяца продолжалась переписка, затем дело оказалось на рассмотрении П. Н. Шульца. В апреле 1932 г. им было составлено отрицательное заключение [Застрожнова, 2018, с. 150]. Примечательно, что в марте следующего года, когда участь охранного статуса Пантикапея вновь зависела от мнения П. Н. Шульца, ученым был практически без возражений поддержан план музеефикации сразу нескольких десятков памятников Керчи и высказаны предложения по оптимизации этого процесса [Застрожнова, 2018, с. 151–152]. Представляется, что причина кардинальной перемены решения состояла не только в настойчивости руководства Керченского музея и сотрудников МО ГАИМК [Застрожнова, 2018, с. 151]. В октябре 1932 г. П.Н.Шульц смог лично убедиться в плачевности состояния музея и памятников Керчи. О деталях визита речь пойдет ниже. Но забегая вперед, следует отметить, что увиденное, в частности, результаты взрыва средней скалы горы Митридат и прочие разрушения, вероятно, должны были повлиять на точку зрения П.Н.Шульца и на осмысление веса принимаемых им решений.

Попытаемся теперь восстановить событийную последовательность служебной поездки в 1932 г. В путевом дневнике П. Н. Шульц сообщает: *«Мною был намечен и выполнен по Крыму маршрут, охвативший музеи Симферополя, Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи»*. Первоначально продолжительность командировки составляла один месяц, с 1 августа по 1 сентября [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 1–1 об.]. Тем не менее: *«По окончании работ в Крыму я проехал на Украину и имел возможность ознакомиться с большой работой, проведенной в 1932г. Одесским музеем по экспозиции своих коллекций. Одесский историко-археологический музей до 1932 г. сохранял в своих стенах древнюю экспозицию, мало чем изменившуюся со времен Штерна. Сейчас музей стал неузнаваемым. Перелом протекает, как и всякий перелом, не безболезненно. Однако первый серьезный шаг сделан. Вопросам реэкспозиции Одесского музея я надеюсь посвятить отдельную статью»*⁵ [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 13 об.]. Таким образом, «общая продолжительность выразилась в 1 м. 20 днях (с 1. VIII. по 20. X. 32 г.)» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 1 об.]. Всего на путевые расходы П. Н. Шульцу от ГАИМК было выделено 350 руб., которых *«едва хватило на оплату железной дороги и пароходов»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 1 об.].

⁴Позже масштабные обследования проводились в этом районе Н. Л. Эрнстом [Эрнст, 1935].

⁵В дальнейшем в тексте путевого дневника и других материалов к характеристике состояния Одесского музея П. Н. Шульц больше не возвращался.

Первую неделю августа 1932 г. П. Н. Шульц провел в Симферополе. В день приезда *«директор Центрального краеведческого музея КАССР тов. Филонов»* познакомил гостя из Ленинграда с состоянием и планами работы учреждения. Директор отчитался о разделении музея на пять отделов в соответствии со схемой, принятой в резолюции Первого Всероссийского музейного съезда [Труды..., 1931]. П. Н. Шульц признал *«в смысле объема и качества материала»* отделы весьма *«неравномерными»*. Так, естественно-исторический отдел *«по богатству своего материала, по его обработке и по технике экспозиционной подачи вправе претендовать на одно из первых мест среди <...> республиканских музеев»*. Но в то же время П. Н. Шульц усматривал недостаток экспозиции в *«эмпирическом натурализме»*, отсутствии в ее содержании *«развития, и «движения»*, и признавал: *«Надо сказать, что эта основная беда отдела, обща всем естественно-историческим отделам крымских музеев»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22. Л. 3]. Отметим, что к моменту научной командировки П. Н. Шульц имел достаточный опыт музейно-экспозиционной работы. В начале 1920-х гг., будучи студентом Петроградского университета, он в летние месяцы был занят в обустройстве залов Ржевского краеведческого музея. В 1925-1926 гг. местом работы П. Н. Шульца стал Государственный Эрмитаж. Много времени разработке экспозиционных проектов ученый посвятил в рамках сотрудничества с Ленинградским Пролеткультом [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 7. Л. 5].

На страницах отчета помещены интересные детали повседневности Центрального музея в дни визита П. Н. Шульца. Настоящее исследование не претендует на полноценную публикацию первоисточника, тем не менее представляется важным привести некоторые объемные выдержки: *«Этнографический и археологический отделы в настоящее время полностью свернуты. В 1931 г. Центральный музей Крыма лишился своего второго здания. В спешном порядке материалы были перевезены в центральное здание, где и были заключены частью в хранилище, частью же (скульптура и изделия из камня) сложены на открытом дворе, где подвергаются порче, так как не защищены от дождя <...> Учащиеся в Симферополе лишены возможности изучать на конкретном материале музея исторические пути развития национальной культуры народов Крыма <...> Крым временно лишен отправной базы, через которую должен пройти всякий турист, местный работник, приезжий специалист, желающий изучить историю Крыма...»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп.3. Д. 22. Л. 4]. В связи со сложившимся положением музею для размещения был предложен ряд церквей, но они, по мнению П. Н. Шульца, не давали *«необходимых условий для надлежащей экспозиции и хранения богатого этнографического и археологического материала музея. Поэтому основной и неотложной практической задачей музея является обеспечение своей работы необходимым музейным помещением»*. В проблеме П. Н. Шульц усматривал вину руководства Крымского наркомата просвещения: *«...при условии ликвидации недооценки музея со стороны Крымских руководящих организаций, выразившейся, в частности, в том, что Наркомпрос не сумел отстоять помещение музея, при условии концентрации вокруг музея краеведческого*

актива⁶, вернее создания его, несомненно, будет являться одним из самых жизнеспособных и передовых краеведческих музеев...» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 4 об.].

Значительное внимание в отчетных материалах уделено состоянию научной работы Центрального музея: *«Положительной стороной музея является то обстоятельство, что с довольно большой по масштабу политико-общественной работой, музей сумел соединить значительную исследовательскую работу. С последней, в части археологических работ, познакомил меня ученый хранитель музея Н. Л. Эрнст»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 5]. В дневнике достаточно полно отражены выводы, сделанные в результате археологических исследований на позднескифских памятниках: *«"скифские" городища главным образом сосредоточены в районах верхнего течения реки Салгира. Главнейшие из них расположены в черте города Симферополя (Керменчик, близ д. Сарайлы-Кият), а также недалеко от него (Сарым-Бамбаш-Кале⁷, Алма-Тамак, Хан-Эли, Джафер-Берды, Ягмурча). Другими словами, территориально весь комплекс "скифских" городищ тяготеет и как бы группируется вокруг центрального, наиболее крупного Симферопольского городища. Именно это городище Н. Л. Эрнстом и предшествовавшими ему исследователями отождествляется с Неаполем, центральным городом-крепостью так называемой «скифской державы» царя Скилура и его сыновей»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 6]. Из текста дневника известно, что за время пребывания в Симферополе П. Н. Шульц осмотрел и составил описания городищ Керменчик и Сарайлы-Кият⁸. Приведем сведения о первом памятнике: *«Симферопольское [городище – Н. Ч.], «Неаполь», расположенное на Петровских скалах, на обрывах нуммулитового известняка, занимает плато, огражденное с тылу валом (стеной) и рвом, господствующее над всей окружающей местностью и долиной реки Салгир. Стена, как показали раскопки, сложена из громадных, в значительной части неотесанных блоков циклопического характера. Стратегическое положение городища прекрасно обеспечивает его защиту. Комплекс зерновых ям, вырубленных в скале, и печей для выпечки лепешек – явно подчеркивает связь городища с зерновым сельским хозяйством. Зерно (ячмень, пшеница и просо) размалывалось зернотерками и жерновами. Наряду с туземными зернотерками раскопки обнаружили круглые и прямоугольные жернова античного типа. Наряду с землянками на территории городища имелись сооружения как глинобитные, так и каменные, причем часть из них (небольшая)*

---

⁶В ряду «двигателей» изучения истории Крыма П. Н. Шульц перечисляет Таврическое общество археологии, истории и этнографии, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, Общество по изучению Крыма, «занимающиеся, тем не менее полулюбительской работой <...> в настоящее время эти общества ликвидированы», а также Крымский научно-исследовательский институт и «лишь отчасти, пока еще слабо» Симферопольское бюро краеведения [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп.3. Д. 22. Л. 4].

⁷Известное в наши дни как позднесредневековое городище Сарымамбаш-Кермен [Мыц, 2018].

⁸Ныне – городище Кермен-Кыр.

была перекрыта черепицей, как о том говорят находки. Время возникновения городища относится к IV в. до н. э. Свою жизнь городище прекращает во II в. н. э.» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 6 об.].

Под большим впечатлением П. Н. Шульц остался после осмотра городища Кермен-Кыр: «... Сарайлы-Киятское городище является одним из наиболее сохранных и показательных городищ «скифского» типа Симферопольского района. По характеру и эпохе оно непосредственно примыкает к «Неаполю», хотя и меньше его по размерам. Городище лежит на берегу реки Салгир, прорывающем в этом участке третью гряду Крымских гор. В плане оно образует треугольник, огражденный первым малым и затем вторым большим валом и рвом. Крутыми склонами городище падает к долине р. Салгир и к двум балкам, ограничивающим боковые стороны городища. Гряда, на которой оно расположено, имеет местное название «Кермен-Кыр». На городище впервые обратил внимание Дюбуа, а затем Кеппен. Оно было осмотрено и описано А. Маркевичем. В 1929 г. Н. Л. Эрнст произвел на городище раскопки разведочного характера. Раскопки показали, что городище включает в себя два основных слоя поздней эллинистической и ранней римской эпохи. Характер находок вполне тождественен с находками Симферопольского городища. В 1924г. на городище было обнаружено «скифское» каменное изваяние (антроповидная стела из местного белого известняка, с т. н. «сарматским» знаком на груди)» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 7].

Среди главных недостатков научной деятельности Центрального музея П.Н.Шульц называет то, что «...значительная часть полевых археологических исследований музея до сих пор не опубликована, что чрезвычайно затрудняет работу по изучению смены этапов исторического развития предгорного и нагорного Крыма. В подстрочных примечаниях приведены дополнительные пояснения: «Так, например, [Н. Л. – Н. Ч.] Эрнст не опубликовал до сих пор результаты раскопок и изучения т.н. кизил-кобинской культуры, связываемой Эрнстом с таврами. В недостаточной мере опубликованы результаты раскопок и разведок «скифских» городищ северных предгорий Крыма; нет публикаций результатов раскопок курганов «эпохи бронзы» и «скифо-сарматской» эпохи. В частности, до сих пор не изданы раскопки интереснейшего погребения эпохи «бронзы» с каменной плитой, на которой изображены топоры, животные и люди⁹. В результате с этим памятником нам приходится знакомиться не через советскую, а заграничную публикацию (*Eurasia Septentrionalis Antiqua*, I, 1929¹⁰), не всегда, как и в данном случае, дающую правильную характеристику условий находки памятников.» <...> Свернутость этнографического и археологического отделов музея временно освобождает силы Н.Л.Эрнста для исследовательской работы (когда-то будет получено новое помещение, работа по экспозиции естественно вновь отвлечет силы отдела от исследовательской работы).

⁹Имеется в виду стела, обнаруженная близ с. Бахчи-Эли [Щепинский, 1963, с. 43].

¹⁰В 1929 г. вышел не I, а IV том *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Но публикации Н. Л. Эрнста в издании отсутствуют.

Если издательские возможности музея затруднены, было бы весьма желательно иметь хотя бы предварительную информацию о результатах полевой работы музея в «Сообщениях ГАИМК» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 5–5 об.].

Осознавая недолговечность неопубликованной информации, П. Н. Шульц постарался подробно зафиксировать ценные сведения о концепции «неапольской культуры»¹¹, позволяющие теперь дополнить знания о научных воззрениях Н.Л.Эрнста. Как известно, значительная часть творческого наследия ученого оказалась утраченной [Филимонов, Храпунов, 1996, с. 242]. В связи с этим представляется важным привести некоторые выводы Н. Л. Эрнста, отраженные в источнике: *«По впечатлениям Н. Л. Эрнста, выведенных им на основе произведенных разведочных работ, раскопок и подъемного материала, появление «скифских» городищ в Крыму и их расцвет может быть охарактеризован как временная вспышка, не слишком большой хронологической протяженности, тем не менее сыгравшее крупную роль в историческом развитии Крыма, и в частности, крымских античных колоний, на рубеже последних веков первого тысячелетия до н. э. с первыми веками н. э. Как показали разведочные раскопки на Симферопольском и Сарайлы-Киятском городище, а также подъемный материал с других городищ, они возникают не ранее IV в. до н. э. Максимальный экономический и культурный расцвет городищ падает на II в. до н.э., т. е. другими словами, на эпоху формирования и расцвета «державы» Скилура. В I в. до н. э. намечается явное ослабление культурной жизни городищ. Временное «возрождение» городищ наблюдается во второй половине I в. н. э. и первой половине II в. н. э. В конце II в. н. э. «скифские» городища, включая и Неаполь, прекращают свое историческое существование»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 8]. Некоторые данные встречены только во второй версии отчета: *«Сделанные Н.Л. Эрнстом наблюдения над костным материалом Симферопольского и Сарайлы-Киятского городищ привели его к выводу о преобладании лошади, затем крупного, и затем мелкого рогатого скота, и, наконец, свиньи и собаки. По его мнению для погребений характерно при костяках наличие кости барана»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 25].

Подводя итоги археологического изучения позднескифских памятников в Нижнем Поднепровье и в Крыму, П. Н. Шульц высоко оценивал ученую проницательность Н. Л. Эрнста [Шульц, 1971, с. 131]. Тогда с момента знакомства исследователей минуло почти сорок лет. Насколько известно, ученые встречались лишь однажды, произошло это в 1932 г. Подробности общения, скорее всего, останутся неизвестными. Вместе с тем факт межличностных контактов П.Н.Шульца и Н. Л. Эрнста представляется любопытным в контексте истории идей. Данные, которыми обладал Н. Л. Эрнст, наиболее деятельный археолог Крыма в 1920 – 1930-е гг., очевидно, должны были оказаться полезными для П.Н. Шульца, только начинавшего свой путь в изучении древностей полуострова.

¹¹О концепции [Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 49].

В связи с этим следует отметить явную преимущество исследовательских задач до- и послевоенного времени. Многие начинания Центрального музея Крыма были продолжены работами Тавро-Скифской экспедиции, возглавленной П.Н.Шульцем в 1945 г. По-видимому, замысел масштабных раскопок позднескифских и таврских памятников начал складываться у П. Н. Шульца значительно раньше, чем считалось. В современной литературе сформировалась точка зрения о том, что идея исследовательского предприятия возникла в ходе работы Всесоюзного археологического совещания, которое проходило в Москве с 24 февраля по 1 марта 1945 г. [Юрочкин, 2017, с. 161]. Недавно опубликованы сведения о том, что обоснование проведения экспедиции было составлено еще в октябре 1944 г. [Чемодуров, 2020, с. 261]. В свете новых данных это утверждение также теряет силу. В дневниковых записях П. Н.Шульца выявлен проект экспедиции с названием «Тавро-Скифская», датированный 1939 г. Задачи исследований предполагали археологическое изучение позднескифских городищ Сарайлы-Кият и Керменчик, а также некоторых таврских поселений в Байдарской долине [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 18. Л. 1]. Но и этот документ нельзя признать отправной точкой в задумке будущей экспедиции.

Актуальность раскопок «скифских» городищ», прежде всего Кермен-Кыра, обоснована в путевом дневнике командировки 1932 г. П. Н. Шульц определил задачи изучения этой категории памятников. Принципиально важным исследователь считал выяснение вопросов генезиса и гибели позднескифских городищ в контексте миграционной и автохтонной гипотезы: *«На эти вопросы археологический материал, при умелом его использовании, даст ответ. <...> В этой связи особенно важно (сложнее, но думаю, что возможно) получить в археологическом материале ответ и на следующие вопросы: 1) Является ли население «скифских» городищ Предгорного Крыма «исконно» оседлым и земледельческим, или же оно пришло к оседлости путем обратного перехода от скотоводческого кочевого уклада? 2) В каком направлении идет расслоение населения «скифских» городищ, и если оно пришлое, то в каком отношении оно становится к местному коренному земледельческому населению? 3) Какое значение в процессе формирования, развития и гибели «скифских» городищ, в развитии их хозяйственной и культурной жизни сыграло античное колонизаторское хозяйство?»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22. Л. 8–9]. В связи с поставленными задачами в тексте рукописного отчета о командировке П. Н.Шульц предложил: *«Найти или хотя бы нащупать ответ на поставленные вопросы можно лишь путем углубленных разведочных обследований всего комплекса т. н. “скифских” городищ нагорного Крыма, дополненных раскопкой одного из наиболее показательных городищ. Таким городищем, наиболее удобным для раскопок (сохранность, близость к г. Симферополю, возможность включения городища в экскурсионный план работ ОПТЭ), является, как мне представляется Сарайлыкиятское городище»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 23. Л. 2 об.]. Связь приведенного фрагмента обнаруживается с плановой документацией Тавро-Скифской экспедиции. В Научном

архиве ИАКр РАН сохранилось несколько редакций проекта исследований, намеченных на 1945 г. Согласно одной из них, усилия планировалось сосредоточить только на раскопках городища Кермен-Кыр [НА ИАКр РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1945. Д. 1. Л. 1]. В действительности, основной состав экспедиции оказался задействован в работах на Неаполе Скифском [Чемодуров, 2020, с. 262]. По-видимому, довоенные исследовательские намерения П. Н. Шульца отразились в организационном планировании Тавро-Скифской экспедиции. Таким образом, складывание концепции научного предприятия следует отсчитывать со времени служебной поездки 1932 г.

В некоторых размышлениях П. Н. Шульца, помещенных на страницах путевого дневника, угадываются известные в послевоенной научной литературе положения. Так, в первые годы работ Тавро-Скифской экспедиции преследовалась цель доказательства гипотезы П. Н. Шульца о двух противостоявших друг другу группах укрепленных поселений греков и поздних скифов [Шульц, 1946, с. 98]. Это предположение со временем было отвергнуто, отказался от него и автор [Дашевская, 1971, с. 151]. Ранее считалось, что гипотеза возникла в ходе работ Евпаторийской экспедиции ГАИМК [Антонов, 2016, с. 180]. Вместе с тем ее истоки просматриваются в следующем отрывке: *«Скифские» городища предгорного Крыма <...> расположены как бы на стыке крымских степей с первыми рядами крымских горных цепей, закрывая основные проходы в нагорный Крым. Образование в этих проходах линий укреплений «скифов» ставило под угрозу колонии, создавая ряд опорных звеньев для контрастования туземного населения на греков-колонизаторов»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 7 об.]. В контексте эволюции исследовательских идей интересны замечания П. Н. Шульца по вопросу оседлости крымских скифов. Выяснение этой проблемы автор дневника считал ключевой. В частности, он писал: *«Преобладание коня в костном материале городищ, скульптурные воспроизведения всадников-скифов, а также характер погребений некрополей городищ подчеркивают преемственную связь, во всяком случае господствующих слоев населения, с укладом скифов-кочевников <...> необходимо внимательным образом изучить движение костного материала для выяснения соотношения пород скота в различные эпохи жизни городищ, а также наряду с городищем, подвергнуть раскопке ряд погребений прилегающего к городищу некрополя, так как в обряде пережитки кочевого уклада должны сказаться»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 7 об.]. Среди причин седентаризации скифского населения П. Н. Шульц называет соседство с греческими поселениями и фактор эллинизации [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 8]. Параллели с этим выводом прослеживаются в значительно более поздних работах ученого [Шульц, 1971, с. 127].

В связи с изучением перехода к оседлости в дневнике командировки упоминается *«проблема доскифского слоя»*, в основе которой было предположение об использовании скифами мест прежних поселений кизил-кобинской культуры [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 9]. Для ознакомления с фактическим материалом по вопросу о *«предшественниках “скифских” городищ»* П. Н. Шульц собирался побы-

вать в Бахчисарайском музее, который по его замечанию «очевидно, станет одним из основных баз изучения тавров». Но визит по каким-то причинам пришлось перенести на 1933 г.¹² Вместо этого П. Н. Шульц посетил участки работ Эски-Керменской экспедиции на поселении и могильнике из каменных ящиков у д. Черкес-Кермен. Об этом составитель дневника сообщает: *«Е. В. Веймарн, поставивший перед собой задачу изучения таврских поселений, познакомил меня с выполненным им планом Черкес-Керменского поселения, расположенного недалеко от некрополя каменных ящиков, обследованных первоначально Н. И. Репниковым, а затем С. А. Семеновым-Зусером; изученного с точки зрения конструкции ящиков в 1932 г. А. Н. Карасевым, и дополнительно исследованным в 1932 г. сначала С. А. Семеновым-Зусером, а затем Н.И.Репниковым совместно с Е. В. Веймарном»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22. Л. 9 об.]. По своему облику остатки поселения напомнили П. Н. Шульцу *«наиболее ранние циклопические горные крепости Закавказья»*. В этом контексте исследователь продолжает: *«...с таврами связывают так называемые «кастели», крепости, располагающиеся, по преимуществу, на вершинах скал Горного Крыма, «святилища» типа «лесного святилища», открытого в горах над Ялтой А. Л. Бертье-Делагардом и нескольких некрополей каменных ящиков»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22. Л.10]. Отдельные выводы П. Н. Шульца со временем были скорректированы¹³. В то же время несколько заключений, сделанных в 1932 г., нашли свое подтверждение. О характере генезиса культуры тавров П. Н. Шульц писал: *«Здесь в отличие от «скифских» городищ вопрос о «миграции» отпадает начисто. «Таврское» поселение, формирующееся в поздней стадии эпохи «бронзы», в течение античной эпохи продолжает держаться в обособленной горной области Крыма <...> Каменные ящики горного Крыма с характерным для них обрядом являются наглядной иллюстрацией автохтонного процесса перерастания древних тавров эпохи «бронзы» в античных тавров»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22. Л. 10 об.]. Проницательным оказалось также утверждение о единстве таврской и кизил-кобинской культуры, представители которой, расселившиеся к северу и к югу от Главной гряды Крымских гор, отличались основным видом занятий: *«Этот горный район через долины рек и по горным ходам соединяется с предгорными районами «скифов» и спускается отвесными склонами к югу, соединяясь с небольшой узкой полосой побережья Черного моря. Этот район давал все внешние предпосылки для возможности таврам соединять в*

¹²О приезде П. Н. Шульца в музей сообщает в дневнике У. А. Боданинский [НА РО ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. 1933. Д. 296. Л. 41].

¹³Трактовка южнобережных и некоторых предгорных городищ Крыма как таврских оказалась неверной. Гипотеза, возможно сложившаяся в среде Эски-Керменской экспедиции, просуществовала довольно долго, исказив выводы уже послевоенных исследований. Так, к числу «тавро-скифских» причислялись городища Сарымамбаш-Керман, а также на г. Аю-Даг, г. Кастель, г. Сераус и др. [Чемодуров, 2020, с. 270]. Окончательную истину удалось установить только в середине 1960-х гг. в ходе планомерных обследований памятников Южного берега Крыма под руководством О. И. Домбровского [Домбровский, 1974].

своем хозяйстве земледелие, садоводство с разведением скота» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 10 об.]. Отметим, что в современной науке тавры и кизил-кобинское население рассматриваются как две группы одной этнической общности, принадлежащие, вместе с тем, к разным хозяйственно-культурным типам [Храпунов, 1993].

Значительные последствия для научного становления П. Н. Шульца имело посещение в 1932 г. Евпатории. Ученый имел возможность изучить местную археологическую коллекцию, в частности, им была выполнена: *«работа по определению вещественного античного материала и по уточнению отдельных звеньев экспозиции археологического отдела»*. *О краеведческом музее города у П. Н. Шульца сложилось благоприятное впечатление: «Заведующий музеем Я. Т. Благодарный сумел связать жизнь и работу музея с политико-хозяйственными и культурными интересами своего района, сблизить музей с работой местных партийных, профессиональных, планирующих и культурно-просветительских организаций и учреждений. Эта связь обеспечивает музею неуклонный рост»*. В отчете приводятся данные о приобретении музеем нового помещения, существенном увеличении посещаемости и *«общей гармоничности»* в экспозиции [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 42]. В то же время в работе музея отмечается существенный недостаток: *«...практически полное отсутствие результатов исследовательской работы. Музей до сих пор не имеет путеводителя, который бы, несомненно, в летнее время разошелся с большой быстротой и полностью бы окупил себя. Музей до сих пор не опубликовал результатов своей экспедиции-разведки 1929 г. в район Ак-Мечети, давшей блестящий археологический материал. Хотелось бы только пожелать, чтобы персонал музея использовал бы страницы "Сообщений" для публикации результатов как 1929 г., так и 1932 г.* [ГАИМК – Н. Ч.]» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 42].

Проблемы организации исследовательской работы не раз затрагивались в продолжительной переписке директора Евпаторийского музея Я. Т. Благодарного с дирекцией ГАИМК. Вместе с тем решения наиболее существенных вопросов финансирования и научных консультаций найти не удавалось [Вахтина, 2017, с. 28]. На просьбы об организации археологических работ приходил ответ примерно одинакового содержания: *«Сообщаем, что ввиду ограниченного количества средств, которыми располагает Академия, организация экспедиций и производство раскопок в Вашем районе в ближайшее время невозможны»* [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп.1. 1931. Д. 784. Л. 8] В связи с этим П. Н. Шульц писал: *«лучшим и самым надежным путем установления связей ГАИМК с местными музеями, помимо привлечения местных сил к участию в издательской работе ГАИМК, является непосредственная помощь работников ГАИМК во время летних поездок»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп.3. Д. 22. Л. 41 об.].

Во время своего пребывания в Евпатории П. Н. Шульц детально познакомился с результатами предпринятых летом 1932 г. В. Ф. Штифтаром наблюдений за земляными работами при постройке складов военно-курортной станции. Преподаватель ла-

тинского языка мужской гимназии и краевед оказался единственным компетентным сотрудником местного отделения ОПИК, который обладал опытом археологической фиксации. Общее руководство за наблюдениями осуществлял Н. Л. Эрнст, который «лишь изредка наезжал в Евпаторию» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 33]. В биографии В. Ф. Штифтара эпизод археологических работ летом 1932 г. неизвестен [Никифорова, 2021]. В связи с этим сведения, приведенные в отчетной документации П. Н. Шульца, представляют немалую ценность: «...[Евпаторийское городище – Н. Ч.] почти полностью застроено зданиями военно-курортной станции, ее флигелями, службами, двором и парком <...> Постройка складов производилась на вершине, в центре городища. Работы начались с опозданием на 2 месяца, и поэтому велись ускоренным темпом. Это затрудняло процесс археологических наблюдений. В «котловане», в котором возводились фундаменты, в конкретные дни работали до 200 рабочих. Встречавшиеся в процессе работы остатки древних архитектурных сооружений сносились с большой быстротой. <...> Но, несмотря на эти сложные условия работы, В. Ф. Штифтару удалось сделать ряд ценных археологических наблюдений, занести их в дневник, произвести схематические обмеры кладок и собрать в процессе работы значительный вещественный материал, переданный на обработку Евпаторийскому музею¹⁴ <...> Нужно надеяться, что В. Ф. Штифтар в ближайших выпусках «Сообщений» даст детальную характеристику результатов своих работ. Поэтому ограничусь лишь некоторыми общими суммарными замечаниями и соображениями, связанными как с работами в Евпатории этого года, так и предшествующими исследованиями, произведенными на ее территории Л. А. Моисеевым в 1917 и 1929 гг. и Н. Ф. Романченко в 1894 – 97 гг. и в 1907г.» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 33–34].

Судьба дневника и других материалов наблюдений В. Ф. Штифтара не выяснена. Насколько известно, результаты работ краеведа так и не были опубликованы. Вместе с тем некоторое представление о произведенных исследованиях дают «общие суммарные замечания», сделанные в отчете П. Н. Шульцем. Записи достаточно объемны, они подробно отражают зафиксированную в строительных траншеях стратиграфию культурного слоя. Приводятся детальное описание обнаруженных В.Ф. Штифтаром строительных остатков, сведения о найденных артефактах, а также выводы и исторические интерпретации, основанные на результатах наблюдений и раскопок предшествующих лет [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 35–38]. Эти существенные данные, отраженные в отчете о командировке, нуждаются в дополнительном изучении. Тем не менее П. Н. Шульцу они представлялись совершенно

¹⁴ Л 33 об. Нужно надеяться, что В. Ф. Штифтар в ближайших выпусках «Сообщений» даст детальную характеристику результатов своих работ. Поэтому ограничусь лишь некоторыми общими суммарными замечаниями и соображениями, связанными как с работами в Евпатории этого года, так и предшествующими исследованиями, произведенными на ее территории Л. А. Моисеевым в 1917 и 1929 гг. и Н. Ф. Романченко в 1894 – 97 гг. и в 1907 г.

недостаточными. Ученый отмечал: *«Площадь раскопок охватила ничтожнейшую часть всего городища»*. Ни результаты, полученные в 1932 г., ни исследования предшествующих лет не позволяли сделать заключение *«даже о времени сооружения и гибели Евпаторийского городища»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 38]. По-видимому, отражением увиденного стал замысел П. Н. Шульца об организации самостоятельных исследований в Северо-Западном Крыму.

Археологические работы летом 1932 г. не должны были ограничиться лишь визуальными наблюдениями. В связи с этим П. Н. Шульц фактически провел служебное расследование. По данным путевого дневника командировки на цели археологических исследований: *«в связи со своими строительными работами военно-курортная станция согласно договора, заключенного с сектором науки Крымнаркомпроса, должна была отпустить 3000 р.»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 39]. П. Н. Шульц установил, что выделенные средства не были получены Евпаторийским музеем *«... в результате пассивного отношения к работам в Евпатории со стороны сектора науки Крымнаркомпроса, а также в результате недостаточной заинтересованности в этой работе, проявленной Н.Л. Эрнстом»*. Далее автор путевого дневника отмечает: *«Допущенная оплошность должна быть исправлена. Военно-курортная станция, учитывая научно-историческое значение Евпаторийского городища, несомненно представит гарантированную ею в договоре сумму для исследования городища в 1933 г.»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 40]. Выяснены и другие причины потери финансовых средств: *«К сожалению, местные Евпаторийские организации (Райфо, Райпрофсовет, ОНО¹⁵) до сих пор недооценивают значение, которое шаг за шагом завоевывает Евпаторийский музей. Эта недооценка сказалась, в частности, в том, что Райфо неоднократно пытался, вопреки договора, присвоить средства, полученные Евпаторийским музеем за посещение антирелигиозного отдела музея»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 41]. По мнению ленинградского исследователя, раскопки Евпаторийского городища в 1933 г. на высоком уровне могли быть произведены только объединенными силами Центрального музея Крыма, Евпаторийского историко-археологического музея и античного сектора ГАИМК. В тексте дневника отражены конкретные задачи предстоящих исследований: *«Думаю, что целесообразнее всего произвести раскопку в наиболее угрожаемом участке городища, прилегающем с юга непосредственно к тому участку, в котором производилась постройка складов в 1932 г. Систематические научно-поставленные раскопки данного участка городища позволили значительно уточнить и углубить все те данные, которые получены предшествующими разведочными раскопками в Евпатории, стоявшими в смысле методики на чрезвычайно низком уровне»*. С целью реализации этих

¹⁵ Районный финансовый отдел, Районный совет профсоюзов, Отдел народного образования.

планов в 1933 г. была организована Евпаторийская экспедиция ГАИМК, история которой до сих пор не реконструирована.

Следующим пунктом в маршруте командировки П. Н. Шульца стал Херсонесский музей. Экскурсию по участкам раскопок городища на северном побережье для гостя проводил Г. Д. Белов. Познакомившись с основными результатами и обновленной экспозицией, П. Н. Шульц достаточно высоко оценил исследовательские мероприятия: *«Херсонесский музей безусловно является центром музейной и научно-исследовательской работы мирового значения, развернувшим широкую научно-исследовательскую и издательскую, раскопочную, экспозиционную и массовую политико-просветительскую работу. <...> Мне представляется, что раскопки в Херсонесе являются одним из наиболее значительных результатов раскопочных предприятий 1932 года»* [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 44]. На страницах дневника ученый отразил свои предложения о развитии археологического изучения городища. Точка зрения П. Н. Шульца состояла в необходимости раскрывать историю Херсонеса *«сразу и параллельно по трем основным линиям»*. Предложенный план предполагал одновременное комплексное изучение памятников Гераклеийского полуострова (*«раскопки вилл-усадеб и питавших античный Херсонес городов-поселений, опорных баз колонизации северо-западных районов Крымского побережья (Евпатория, Ак-Мечеть»*), продолжение исследований северного берегового участка городища, а также обследование *«туземной периферии»* и выяснение проблемы взаимоотношений Херсонеса с *«таврами, скифами и готами (Черкес-Керменское, Сарайлы-Киятское и Эски-Керменское городища»*) [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 43]. Сведения П. Н. Шульца о состоянии Херсонесского музея лаконичны. Автор путевого дневника отмечал, что *«эти вопросы должен осветить в специальной статье Ф. И. Шмит»*. Кратко описывая атмосферу исследований, П. Н. Шульц упомянул только трудности в проведении в 1933 г. реэкспозиции византийского отдела: *«этому помешала претензия VII полка, проживающего на территории музея, на занятие основных музейных помещений под клуб. Это обстоятельство ставит под угрозу жизнь и рост музея, приковавшего к себе внимание не только со стороны советских, но и иностранных туристов, неоднократно посещавших широко известный на западе «древний город-музей»* [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 43 об.]. В связи с этим исследователь собирался поставить в известность руководство ГАИМК о необходимости объединить усилия с *«руководящими организациями Крыма, чтобы оказать музею в этом вопросе прямую помощь»* [НА ИАКР РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 44].

Сравнительно менее содержательны данные отчетных материалов командировки о состоянии музеев и археологического изучения Южного и Юго-Восточного побережья Крыма, а также Керченского полуострова. В путевом дневнике не сохранилось более двадцати страниц. Поэтому восстановить дальнейшие события поездки удастся лишь частично. Известно, что одним из учреждений, которые посетил П. Н. Шульц, был Ялтинский краеведческий музей. Целью визита

являлось ознакомление с «первоклассной коллекцией материалов Ай-Тодорского городища», полученной в результате работ экспедиции В. Д. Блаватского. Тем не менее П. Н. Шульц ничего не сообщает о представленных в экспозиции артефактах, объясняя это подготовкой автором раскопок собственной публикации. Эти сведения могли оказаться весьма ценными, учитывая, что издание материалов раскопок 1932 г. на Ай-Тодоре затянулось почти на столетие [Строков, Камелина, 2021]. В тексте дневника имеются краткие заметки о хранении в фондах музея коллекции жерновов, памятников, характеризующих монументальное искусство и строительную технику (гончарные трубы, кирпичи, черепица). Еще меньше информации сохранилось об осмотре П. Н. Шульцем древностей Феодосии. Памятники города, по-видимому, не пробудили в ученом существенной исследовательской инициативы. О состоянии археологических объектов П. Н. Шульц писал: «Мне удалось осмотреть почти по всей своей площади застроенный акрополь Феодосийского городища и ряд холмов, разбросанных по территории города. Мне представляется, что вопрос о раскопках Феодосийского городища не стоит остро. Феодосия может ждать». В археологическом изучении памятников города и его окрестностей П. Н. Шульц усматривал актуальной лишь частную задачу выяснения устройства средневекового водопровода: «При правильной постановке вопроса об изучении древнего водопровода перед Феодосийскими организациями и учреждениями, несомненно, эту работу можно было бы обеспечить необходимыми средствами» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 6].

Лишь отдельные подробности известны о пребывании П. Н. Шульца в Керчи. Состояние Пантикапея и других древностей города привело исследователя к выводу, что среди всех увиденных им в Крыму античных памятников керченским «более всего угрожает гибель». С непростым положением в охране и изучении историко-культурных объектов города П. Н. Шульца познакомил директор Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти. Действительно, драматичны следующие сведения из отчета: «Керчь потерпела в этом году тяжелый урон. Несмотря на энергичные протесты директора музея Ю. Ю. Марти, 2-е кресло горы Митридат летом было занято военными частями управления береговой стражи. На втором кресле развернулись земляные работы, к которым первоначально научные работники не были допущены для археологических наблюдений. Средняя скала горы Митридат была взорвана, что значительно нарушило рельеф городища. Управление береговой стражи было намерено занять и первое кресло Митридата. Только благодаря энергичным протестам Ю. Ю. Марти и посланному тов. Бубнову письму удалось предотвратить опасность потери для научных полевых исследований хозяйственного и политического центра Боспорского царства. Под непосредственной угрозой занятия военными частями береговой охраны находится городище Мирмекий, срочно требующее поэтому своего археологического исследования и превращения, в случае необходимости, в заповедник» [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 23. Л. 7]. Подводя итоги в отчете, П. Н. Шульц первой и принципиальной задачей археологического

изучения Крыма выделил раскопки Пантикапея. Исследователь указывал на значительную важность организации в 1933 г. систематических исследований на территории Керченского полуострова посредством объединения усилий *«работников Керчи, МОГАИМК, античного сектора ГАИМК при участии архаического и феодального сектора»* [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 23. Л. 7]. Думается, что П. Н. Шульц осознавал личную вину в произошедших разрушениях древностей Керчи, ведь их можно было избежать в случае своевременного одобрения решений об охранном статусе Пантикапея.

Возможности интерпретации и информационный потенциал отчетных материалов научной командировки П. Н. Шульца, безусловно, не безграничны. Существенная неравномерность в изложении сведений об атмосфере научной жизни музейных и археологических учреждений Крымской АССР в начале 1930-х гг. не позволяет раскрыть в деталях полноценную картину давно минувших событий. Вместе с тем комплексное рассмотрение документальных сведений открывает возможности реконструкции отдельных аспектов довоенной крымской археологии. В частности, выясняются подробности межличностных научных коммуникаций, обстоятельства организации исследований, яркие и живые зарисовки повседневности ученых учреждений. Текстовые и в особенности графические материалы, подготовленные П.Н. Шульцем, фиксируют состояние конкретных археологических объектов и артефактов, среди которых многие в настоящее время могут считаться утраченными. Наконец, в свете данных отчета о научной командировке по-новому предстают некоторые эпизоды научной биографии П. Н. Шульца-исследователя, значение научной деятельности которого представляется еще не до конца осмысленным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова Н. А.* Исследование «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е – 30-е годы XX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. № 7. С. 106–124.
- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. 416 с.
- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д., Сапанжа О. С.* «Нам надо строить заново весь мир истории искусств»: ленинградское историческое искусствознание в дискуссиях 1930-х годов. М.: Индрик, 2021. 400 с.
- Антонов Е. Е.* Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. № 2 (52). С. 178–195.
- Археологические работы Академии на новостройках в 1932-33 гг. / Гос. акад. истор. матер. культ. им. Н. Я. Марра. М.–Л.: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое изд-во. Ч. 1. 1935. 225 с. (Известия Гос. акад. истории матер. культ. им. Н.Я. Марра; вып. 109).
- Вахтина М. Ю.* Об организации археологических исследований в Евпатории и Ак-Мечети (Черноморском) в 1929 и 1933 гг. (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея, Калос Лимен, 29–31 мая 2017 года / Составитель С.Н. Некляса. Калос Лимен: «Наследие тысячелетий», 2017. С. 27–41.
- Виноградов Ю. А.* Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ГАИМК-ИИМК СССР– ЛОИА АН СССР) 75 лет // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира: материалы Международной научной конференции. СПб.: Издательство Нестор-История, 2009. С. 24–29.
- Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г., Медведева М. В.* Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории // Боспорские исследования. 2021. № 42. С. 271–301.
- Груздинская В. С., Клюев А. И., Метель О. В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск : КАН, 2018. 170 с.
- Дашевская О. Д.* Скифы на Северо-Западном побережье Крыма в свете новых открытий // Материалы и исследования по археологии СССР. 1971. № 177. С. 151–155.
- Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в Северо-Западном Крыму / Т. Н. Смекалова. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. 296 с. (Материалы к археологической карте Крыма).
- Домбровский О. И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Материалы из истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–56.
- Жукова Е. Н.* Археология в Тверской губернии в 20-е годы XX века // Очерки истории отечественной археологии. Выпуск V. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2019. С. 104–122.
- Застрожнова Е. Г.* Из истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг.: исследования и исследователи // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 411–427.
- Застрожнова Е. Г.* К истории образования Пантикапейского археологического заповедника // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Антично-

- сти и Средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. Керчь: ИП Литвиненко Е.А., 2018. С. 148–154.
- Карасев А. Н., Левин Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927–1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 22–45.
- Колтухов С. Г.* Павел Николаевич Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Евксинского (Памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь: Издательство Крымского научного центра, 2004. С. 50–54.
- Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь: «СОНАТ», 2004. 240 с.
- Кузьмина О. М.* Археолог и исследователь П. Н. Шульц: страницы истории Ржевского Верхневоляжья // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов. / Под ред. Е. Г. Милюгиной. Тверь: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет», 2021. С. 122–128.
- Кутайсов В. А.* История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII. С. 30–63.
- Майко В. В.* Глава 9. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925 – 1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 232–271.
- Метель О. В.* «Лаборатория марксистской мысли»: историческая наука в Коммунистической академии (1918–1936 гг.). Омск : ООО «Полиграфический центр КАН», 2019. 158 с.
- Мыц В. Л.* Сарымамбаш-Кермен – укрепленная резиденция XIV–XVIII вв. беков Яшлавских–Сулешевых // Поволжская археология. 2018. № 2(24). С. 190–203.
- Никифорова, Л. Л.* Преподаватель древних языков В. Ф. Штифтар. В поисках «русской античности» // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2021. С. 129–136.
- Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Биобиблиография крымоведения; вып. 11).
- Платонова Н. И.* Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. СПб.: Институт истории материальной культуры, 2018. С. 285–293.
- Строков А. А., Камелина Г. А.* Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В. Д. Блаватского: новое обращение к забытой коллекции // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 4. С. 383–400.
- Труды Первого всероссийского музейного съезда [текст] / Под ред. И. К. Луппола. Сектор науки НКП РСФСР. Москва : Наркомпрос РСФСР. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1931. 164 с.
- Филимонов С. Б., Храпунов И. Н.* Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 242–255.
- Храпунов И. Н.* Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь: Таврия, 1993. С. 3–10.
- Чемодуров Н. Н.* Деятельность Тавро-скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). 2020. Т. 6. С. 260–283.

- Шульц П. Н.* Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1946. № 2. С. 97–116.
- Шульц П. Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 127–143. (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 177).
- Щеглов А. Н.* Памяти Павла Николаевича Шульца // Советская археология. 1984. № 3. С. 285–287.
- Щетинский А. А.* Памятники искусства эпохи ранней бронзы в Крыму // Советская археология. 1963. № 3. С. 41–48.
- Эрнст Н. Л.* Историко-археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь: Государственное издательство КрымАССР, 1935. С. 425–443.
- Каряка О. В.* До історії організації робіт Ольвійської археологічної експедиції у 1930 р. // Археологія і давня історія України. OLBIO. In Memoriam V.V. Krapivina. 2015. Вип. 1 (14). С. 190–199.

REFERENCES

- Abramova N. A. Issledovanie «peshchernogo goroda» Eski-Kermen v 20-e – 30-e gody XX veka // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. 2015. № 7. S. 106–124. Akademicheskaja arkheologija na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.). SPb.: «DMITRII BULANIN», 2013. 416 s.
- Anan'ev V. G., Bukharin M. D., Sapanzha O. S. «Nam nado stroit' zanovo ves' mir istorii iskusstv»: leningradskoe istoricheskoe iskusstvoznanie v diskussiiakh 1930-kh godov. M.: Indrik, 2021. 400 s.
- Antonov E. E. Poiavlenie pozdneskifskikh poselenii v severo- zapadnom krymu: problemy datirovaniia i atributsii // Problemy istorii, filologii i kul'tury. 2016. № 2 (52). S. 178–195.
- Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh v 1932–33 gg. / Gos. Akad. istor. mater. kul't. im. N. Ia. Marra. M.–L.: OGIZ, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. Ch. 1. 1935. 225 s. (Izvestiia Gos. Akad. istorii mater. kul't. im. N.Ia. Marra; vyp. 109).
- Vakhtina, M. Iu. Ob organizatsii arkheologicheskikh issledovaniy v Evpatorii i Ak-Mecheti (Chernomorskom) v 1929 i 1933 gg. (po materialam nauchnogo arkhiva IIMK RAN) // Arkheologija Severo-Zapadnogo Kryma: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu sozdaniuu zapovednika «Kalos Limen» i 30-letiiu otkrytiia Chernomorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia, Kalos Limen, 29–31 maia 2017 goda / Sostavitel' S.N. Nekliasa. Kalos Limen: «Nasledie tysiacheletii», 2017. S. 27–41.
- Vinogradov Iu. A. Bosporskoi ekspeditsii IIMK RAN (GAIMK-IIMK SSSR– LOIA AN SSSR) 75 let // Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb.: Izdatel'stvo Nestor–Istoriia, 2009. S. 24–29.
- Vinogradov Iu. A., Zastrozhnova E. G., Medvedeva M. V. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK i issledovaniia Fanagorii // Bosporskie issledovaniia. 2021. № 42. S. 271–301.
- Gruzdinskaia V. S., Kliuev A. I., Metel' O. V. Ocherki istorii institutsional'noi struktury sovetskoi istoricheskoi nauki 1920–1930 gg. Omsk : KAN, 2018. 170 s.
- Dashevskaja O. D. Skify na severo-zapadnom poberezh'e Kryma v svete novykh otkrytii // Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. 1971. № 177. S. 151–155.
- Distsionnyye i geofizicheskie issledovaniia poselenii antichnoi epokhi v severo-zapadnom Krymu / T. N. Smekalova. Simferopol': Izdatel'stvo «DOLIA», 2011. 296 s. (Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma).
- Dombrovskii O. I. Srednevekoveye poseleniia i «isary» Krymskogo Iuzhnoberezh'ia // Feodal'naia Tavrika : Materialy iz istorii i arkheologii Kryma. Kiev: Naukova dumka, 1974. S. 5–56.
- Zhukova E. N. Arkheologija v Tverskoi gubernii v 20-e gody KhKh veka // Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii. Vypusk V. M. : Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk, 2019. S. 104–122.
- Zastrozhnova E. G. Iz istorii arkheologicheskogo izucheniia Vostochnogo Kryma v 1920–1932 gg.: issledovaniia i issledovateli // Bosporskie issledovaniia. 2017. № 35. S. 411–427.
- Zastrozhnova, E. G. K istorii obrazovaniia Pantikapeiskogo arkheologicheskogo zapovednika // XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Traditsii i innovatsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kerch': IP Litvinenko E.A., 2018. S. 148–154.
- Karasev A. N., Levi E. I. Issledovaniia Ol'vii posle B. V. Farmakovskogo (1927–1970 gg.) // Khudozhestvennaia kul'tura i arkheologija antichnogo mira. M.: Nauka, 1976. S. 22–45.

- Koltukhov S. G. Pavel Nikolaevich Shul'ts i ego rol' v sozdanii kontseptsii pozdneskifskoi kul'tury // U Ponta Evksinskogo (Pamiati Pavla Nikolaevicha Shul'tsa). Simferopol': Izdatel'stvo Krymskogo nauchnogo tsentra, 2004. S. 50–54.
- Koltukhov S. G., Iurochkin V. Iu. Ot Skifii k Gotii. Simferopol': «SONAT», 2004. 240 s.
- Kuz'mina O. M. Arkheolog i issledovatel' P. N. Shul'ts: stranitsy istorii Rzhenskogo Verkhnevolzh'ia // Rodnaia slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve. Sbornik nauchnykh trudov. / Pod red. E. G. Miliuginoi. Tver': federal'noe gosudarstvennoe biudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniia «Tverskoi gosudarstvennyi universitet», 2021. S. 122–128.
- Kutaisov V. A. Istoriiia issledovaniia antichnykh pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kryma // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2011. Vyp. XVII. S. 30–63.
- Maiko V. V. Glava 9. Neizvestnye stranitsy arkheologicheskogo izucheniia srednevekovoi Sugdei v 1925 – 1931 gg. // Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genuetstsev. SPb.: Nestor–Istoriiia, 2017. S. 232–271.
- Metel' O. V. «Laboratoriia marksistskoi mysli»: istoricheskaiia nauka v Kommunisticheskoi akademii (1918–1936 gg.). Omsk: OOO «Poligraficheskii tsentr KAN», 2019. 158 s.
- Myts V. L. Sarymambash-Kermen — ukreplennaia rezidentsiia XIV–XVSh vv. bekov Iashlavskikh–Suleshevykh // Povolzhskaiia Arkheologiia. 2018. № 2(24). S. 190–203.
- Nikiforova, L. L. Prepodavatel' drevnykh iazykov V. F. Shtiftar. V poiskakh «russkoi antichnosti» // Istoricheskoe nasledie Kryma. Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu «Antikva», 2021. S. 129–136.
- Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR: issledovaniia i dokumenty / Avt.-sost. A. V. Khlivniuk; pod red., vstup. st. A. A. Nepomniashchego. Simferopol': SGT, 2008. 240 s. (Biobibliografiia krymovedeniia; vip, 11).
- Platonova N. I. Issledovaniia v oblasti arkheologicheskoi tekhnologii v RAIMK/GAIMK//Pamiatniki arkheologii v issledovaniiaakh i fotografiiaakh (pamiati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoi). Sbornik nauchnykh statei. SPb. : Institut istorii material'noi kul'tury, 2018. S. 285–293.
- Strokov A. A., Kamelina G. A. Materialy Ai-Todorskogo mogil'nika v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia iz raskopok V. D. Blavatskogo: novoe obrashchenie k zabytoi kolleksiui // Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia. 2021. № 4. S. 383–400.
- Trudy Pervogo Vserossiiskogo muzeinogo s»ezda [Tekst] / Pod red. I. K. Luppola ; Sektor nauki NKP RSFSR. Moskva: Narkompros RSFSR. Gos. uchebno-pedagog. izd-vo, 1931. 164 s.
- Filimonov S. B., Khrapunov I. N. Nikolai L'vovich Ernst – issledovatel' istorii i drevnostei Kryma // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 1996. Vyp. V. S. 242–255.
- Khrapunov I. N. Ob etnicheskoi prinadlezhnosti kizil-kobinskoi kul'tury // Istoriiia i arkheologiia Iugo-Zapadnogo Kryma. Simferopol': Tavriia, 1993. S. 3–10.
- Chemodurov, N. N. Deiatel'nost' Tavro-skifskoi ekspeditsii: k 75-letiiu nauchnogo predpriiatiia // Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.). 2020. T. 6. S. 260–283.
- Shul'ts P. N. Tavro-skifskaiia arkheologicheskaiia ekspeditsiia v Krymu // Sovetskii Krym. 1946. № 2. S. 97–116.
- Shul'ts P. N. Pozdneskifskaiia kul'tura i ee varianty na Dnepre i v Krymu // Problemy skifskoi arkheologii. M.: Nauka, 1971. S. 127–143. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR ; № 177).
- Shcheglov A. N. Pamiati Pavla Nikolaevicha Shul'tsa // Sovetskaia arkheologiia. 1984. № 3. S. 285–287.

- Shchepinskii A. A. Pamiatniki iskusstva epokhi rannei bronzy v Krymu // Sovetskaia arkheologiia. 1963. № 3. S. 41–48.
- Ernst N. L. Istoriko-arkheologicheskie pamiatniki Iuzhnogo Berega Kryma // Sotsialisticheskaia rekonstruktsiia Iuzhnogo Berega Kryma. Simferopol': Gosudarstvennoe izdatel'stvo KrymASSR, 1935. S. 425–443.
- Kariaka O. V. Do istorii organizatsii robit Ol'viis'koï arkheologichnoi ekspeditsii u 1930 r. // Arkheologiia i davnia istoriia Ukraïni. OLBIO. In Memoriam V.V. Krapivina. 2015. Vip. 1 (14). S. 190–199.

Резюме

Статья посвящена анализу не публиковавшихся ранее отчетных материалов о служебной поездке П. Н. Шульца в Крымскую АССР осенью 1932 г. В совокупности с другими источниками предпринимается попытка выяснения некоторых эпизодов из истории довоенной крымской археологии. Выясняются новые подробности межличностных коммуникаций научных учреждений Крыма и Ленинграда, обстоятельства творческой атмосферы археологических исследований на полуострове. В свете полученных данных открываются неизвестные аспекты научной биографии П. Н. Шульца.

Ключевые слова: музей, культурное наследие, крымская археология, П. Н. Шульц, ГАИМК.

Summary

The article is devoted to the analysis of previously unpublished reporting materials on the official trip of P. N. Schulz to the Crimean ASSR in the autumn of 1932. Together with other sources, an attempt is made to clarify some episodes from the history of pre-war Crimean archeology. New details of interpersonal communications of scientific institutions of the Crimea and Leningrad, the circumstances of the creative atmosphere of archaeological research on the peninsula are being clarified. In the light of the data obtained, unknown aspects of the scientific biography of P. N. Schultz are revealed.

Key words: museum, cultural heritage, Crimean archeology, P. N. Shults, GAHMC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чемодуров Николай Николаевич, м. н. с.,
ФГБУН «Институт археологии Крыма»
РАН, г. Симферополь,
просп. Академика Вернадского, 4,
hombre_sin_nombre@bk.ru,
+79781344039

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chemodurov Nikolai Nikolaevich, j.r.,
FSBIS «Institute of Archeology of Crimea» RAS,
Simferopol,
prosp. Academician Vernadsky, 4,
hombre_sin_nombre@bk.ru,
+79781344039

Рис. 1. Павел Николаевич Шульц (1900–1983). Фото середины 1930-х. [НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 3. Л. 101].

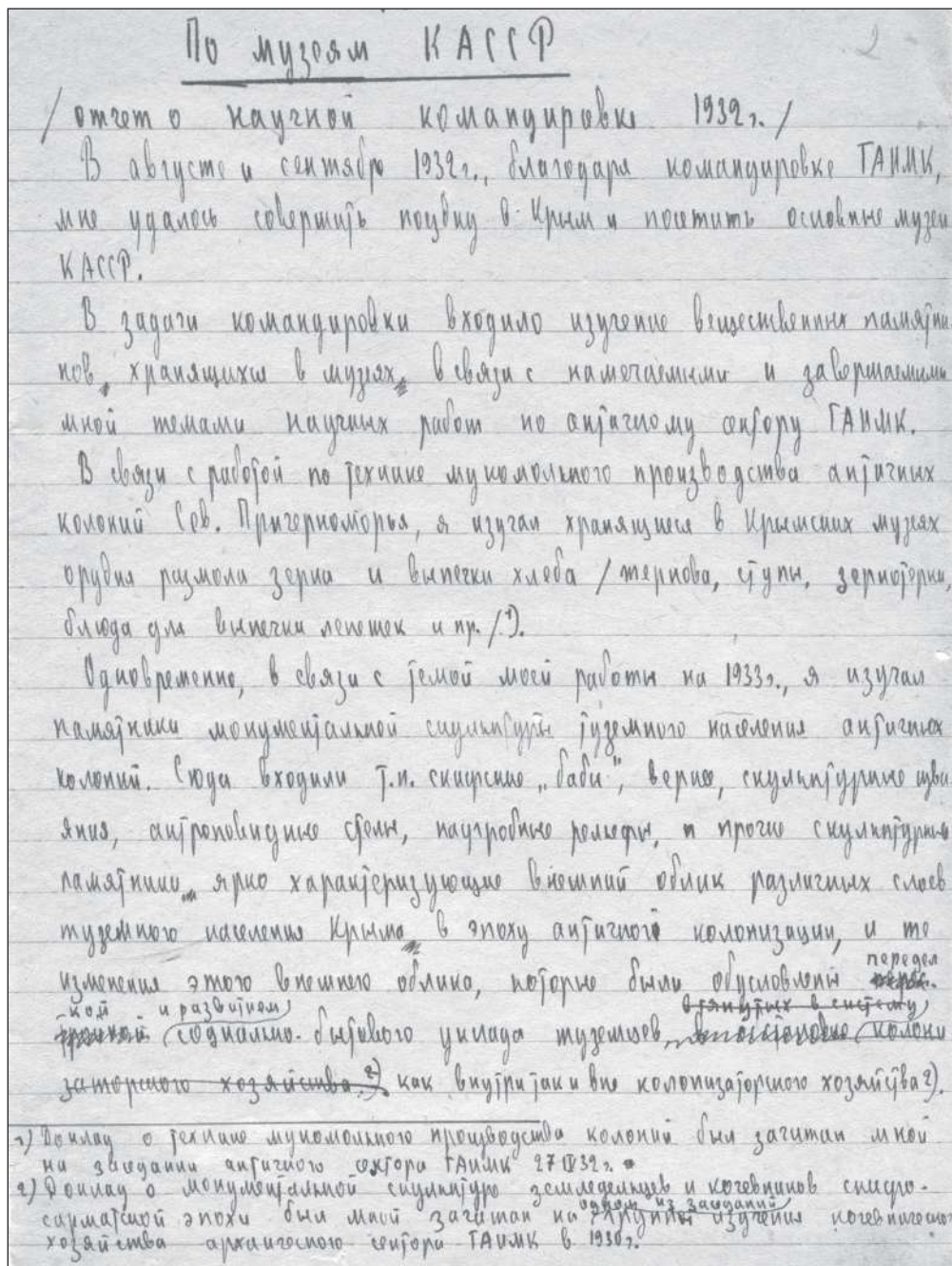
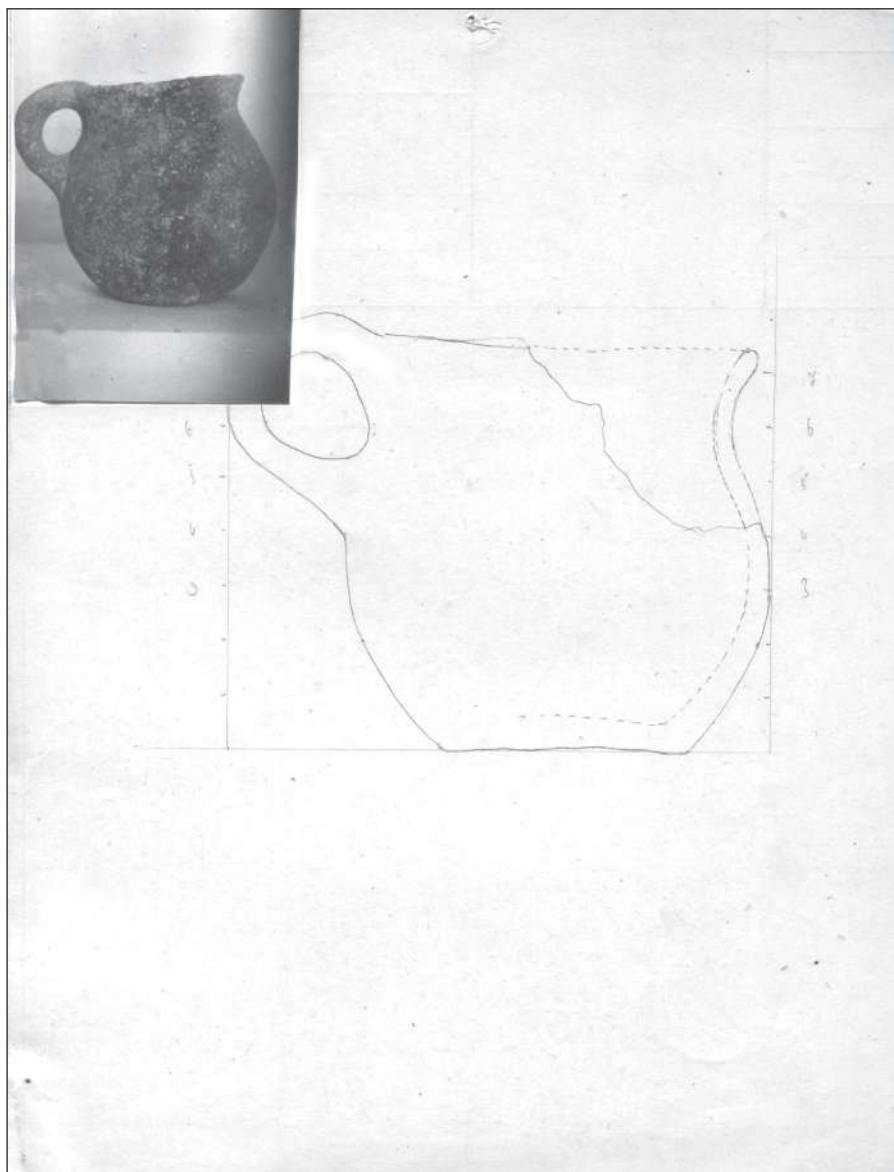

Рис. 2. Страница путевого дневника [НА ИАКР РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22. Л. 2].

Рис. 3. Одноручный кувшин. Херсонес. Раскопки 1898 г. [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 11. Л. 22].

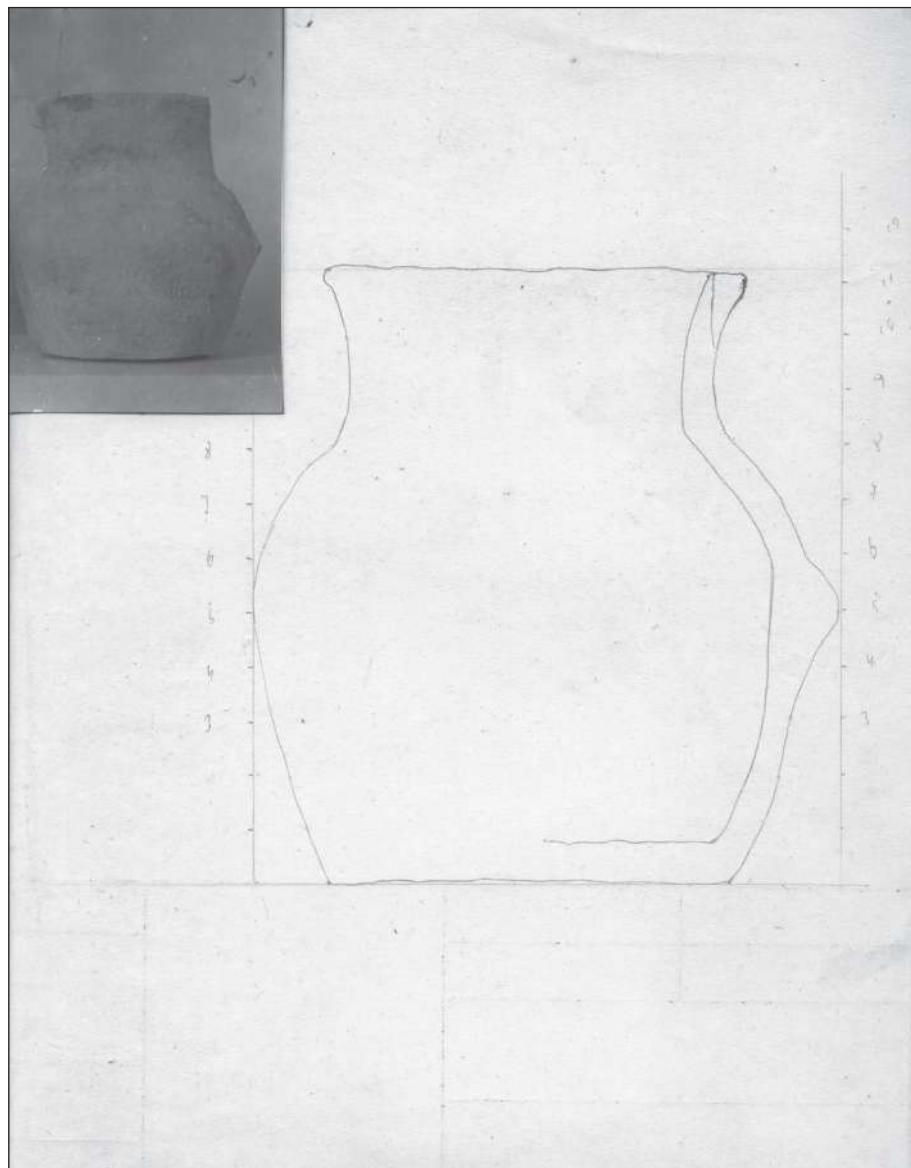

Рис. 4. Одноручный кувшин. Херсонес. [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 11. Л. 23].

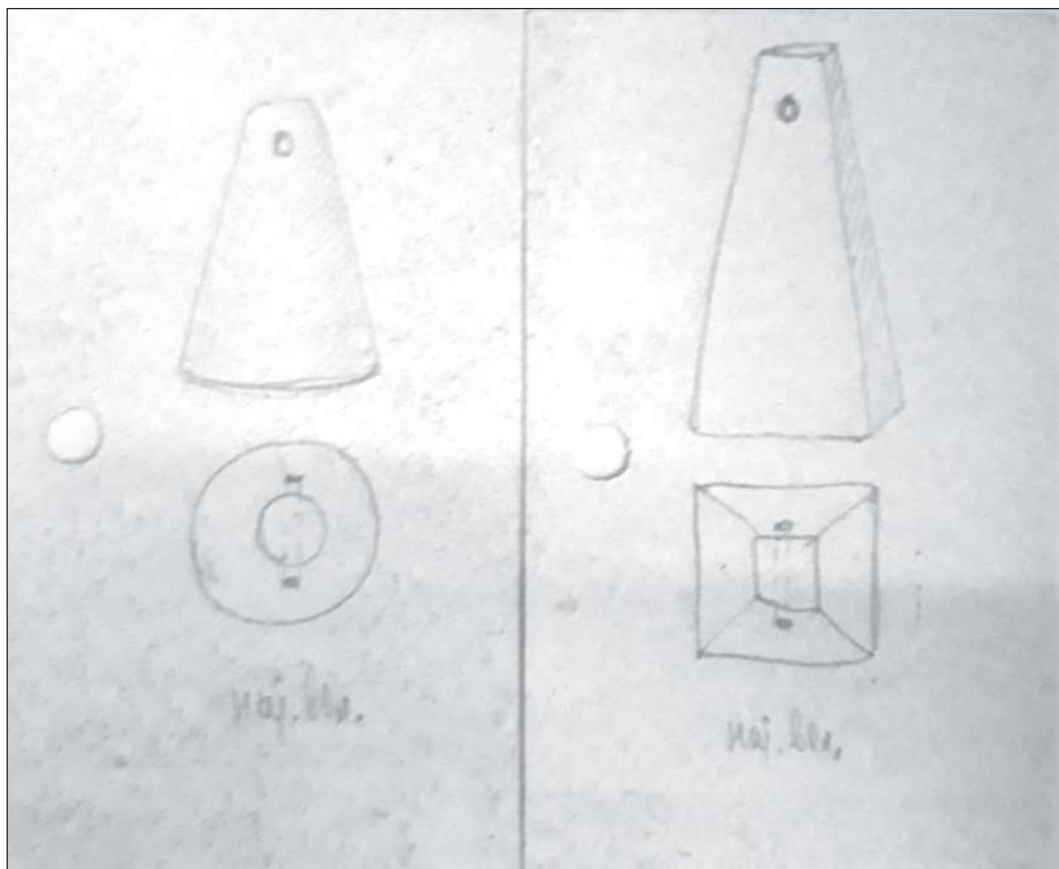

Рис. 5. Глиняные грузила. Херсонес. [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 199].